

Мария ГУДЫМА

ИГРА В ВЕТХИЙ ЗАВЕТ? ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?

"Потерпите меня, и я буду говорить..." Уже с поднятием занавеса стало интересно рассматривать на живописном заднике и кулисах сюжеты, напоминающие то Шагала, то платоновский миф об андрогинах, то скандальную историю библейской Сусанны, чье купание произошло при непрошенных свидетелях преклонных лет. А потом на сцене появились гибкие, яркие молодые артисты в белых одеждах, позволяющих оценить красоту и тренированность тел. С изобретательностью и юмором они перевоплощаются в разнообразных персонажей, состоящих между собой в весьма напряженных отношениях. Вот юноша тщетно тянется к цветущей груди девушки, сетуя, что не он ее избранник, а хорошо быть им, наверное... Вот престарелая мать (ее роль исполняет парень в нарядке, так забавней) ревнует своего взрослого сына ко всем женщинам мира, обнаруживая симбиотическую связь с детенышем, который не может оторваться от материнской юбки даже на другом континенте... А вот уж полный скандал: три парня под душем пускаются в эротические гомосексуальные фантазии, причем один из них непременно желает видеть своим партнером в любовной игре самого Мессию...

Оказывается, спектакль может одновременно быть и религиозным, и эротичным, — поняли зрители, посетившие премьеру в Одесской русской драме. Интриговало название: "Танахшпиль". Из телеанонсов можно было заключить, что на сцене будут подниматься сложные богословские вопросы, и это несколько напрягло... На самом деле реклама оказалась слабой, а действие — совсем даже наоборот.

Слово "Танах", как известно, представляет собой аббревиатуру древнееврейских названий разделов Ветхого Завета: "Тора", "Небиит" и "Кетубит" ("Пятикнижие", "Пророки", "Писания"). Впервые это слово появилось в трудах средневековых еврейских богословов. Особой популярностью пользовались истории, описанные в "Шир Хаширим" ("Пес-

ни Песней"), которая сама по себе является непревзойденным шедевром любовной поэзии. В современном Израиле сюжеты и образы Танаха продолжают вдохновлять людей литературы и искусства, приближающих к современности ту же Суламифь, царей Давида и Соломона. Необязательно жить в этой далекой стране, чтобы подвергнуться такому же искушению, — ведь Танах принадлежит мировой культуре в целом...

Соединив два слова из языков иврит (*Танах*) и идиш (*шпиль*, то есть *игра*), автор сценария, режиссуры и хореографии Евгений Лавренчук получил понятие "*игра в Ветхий Завет*". Есть мнение, что идея сцениграфического решения также принадлежит Евгению (а вовсе не мифическому Е. Ефиму из Москвы), заслуженный деятель искусств Украины Григорий Фаер разработал и воплотил предложенное режиссером. И это похоже на правду. Балетмейстер Юлия Пурина тоже лишь добавила необходимого блеску хореографическим наметкам постановщика. Спектакль создавался дружной командой, но главным в ней был, как и подобает, режиссер.

Для инсценировки использовались не только Книги Ветхого Завета, но и произведения современной израильской прозы, корнями уходящей в Танах (в частности, речь идет о рассказах и скетчах Хануха Левина). На сцене возникла тонкая ироничная абсур-

дистская комедия, о которой сам автор высказывается так:

— В основе этого спектакля — очередная попытка европейской рефлексии библейского порядка вещей. Традиционная ортодоксальность иудаизма выражена для меня непризнанием времени. Мы же как европейцы не можем не жить прошлым, настоящим и будущим, играя в вечные пятнашки со временем. Парадокс библейской ортодоксии в том, что время Творения не исчерпано, но завершено. Для меня театр — единственная форма, где этот парадокс разрешен.

Объясняя, почему спектакль решен в непривычном жанре, обозначенном "патология времени", режиссер снова обратился к соединению слов, в данном случае это "*патология*" и "*биография*", то есть "*патология биографии*", "*жизнь, увиденная с точки зрения патологии*".

Спектакль служит хорошим поводом лишней (или совсем не лишней) раз задуматься о сегодняшней жизни. Живем мы нынче куда дисгармоничнее, чем наши далекие пращурь, порой в духе чистой комедии абсурда. Вот как, например, говорит одна из героинь спектакля, от глухого одиночества помешавшаяся до того, что в ее воображении весь Китай спит и видит ее своим премьер-министром: "Вот тут вот — никто и ничего. А они, между прочим, ждут ответа!". Балетная сцена

с желтыми знаменами, испещренными иероглифами, исполняется с комической серьезностью...

Решиться на подобный эксперимент могли лишь неординарно мыслящий режиссер, какковым и является Евгений Лавренчук, выпускник РАТИ (бывший ГИТИС) мастерской Романа Виктюка, художественный руководитель Польского театра в Москве. В Одессе он уже прекрасно зарекомендовал себя выпущенным в декабре 2006 года спектаклем "Сумерки богов" ("Александр Вертинский и Вера Холодная"). Эта постановка не только украсила репертуар Одесского русского драматического театра, но и получила прекрасный прием на двух международных фестивалях — "Соотечественники" в Саранске (Россия, март 2007 года) и "Уик-энд с театрами Украины" в Варшаве (Польша, ноябрь 2007 года). Причем в Саранске "Сумерки богов" завоевали диплом лауреата.

Нынешний спектакль несколько не снизил планку, заданную Евгением в "Сумерках...". Совершенно очевидно, что "Танахшпиль" суждена долгая сценическая и счастливая фестивальная судьба. Другой поворот событий авторы спектакля моделируют в эпизоде, когда героиня, мастерски копирующая известную кинодиву Ренату Литвинову (в спектакле вообще идет постоянная игра с неестественными интонациями, всевозможными акцентами, диалектными оборотами речи) рассказывает о своем посещении спектакля, с которого возмущенные зрители уходили, что называется, пачками: "Я не встала и не покинула зал. Осталась, чтобы не верить своим глазам..."

В "Танахшпилье" есть чему подивиться. Молодая часть труппы театра плюс студенты Одесского театрально-художественного училища то и дело оказываются под струями воды то из душа, то из труб на колосниках. Такого потопы в нашей русской драме еще не было! Сцена не промокает, поскольку планшет устан несколькими слоями полиэтилена, живописные кулисы и задник тоже защищены полиэтиленовыми полотнищами, а микрофоны артисты завернули в обрезки дождевика... В столь сложных условиях ребята мастерски подают текст и сохраняют пластическую выразительность, даже оскальзываясь в лужах. Игра с кубиками обрамляет и пронизывает все действие; их расставляет Мальчик (Альберт Солдатов), подхватывают персонажи, садятся на них, сооружают подобие пирамиды, стены, или вовсе выносят, наконец, пускают в плавание по импровизированному бассейну, оказавшемуся на сцене к концу спектакля.

Игра Ярослава Белого, Михаила Игнатова, Ольги Кондратьевой, Ланы Крымовой, Ольги Салтыковой, Николая Шкуратовского и других молодых артистов выше любых похвал. Не часто исполнение бывает достойно первоосновы, но это именно тот случай.

Фото Олега Владимирского.

Евгений ЛАВРИНЧУК

Дора КЛИНОВА

Мое маленькое Солнце

У меня есть маленькое Солнце. Моему солнцу семь и зовут его Денис. Это мой внук. Живет он в другом городе, я его не вижу ежедневно, и каждая встреча с ним для меня открытие.

Мы играем в шашки.

— Бабушка, игра не хитрая штука, да в каждой игре наука! — провозглашает Денюка, расставляя шашки.

Он щедро отдает мне белые с правом первого хода, а себе берет черные. Но они у него не черные, а красные.

— Мои красные — стражи огня. Твои белые — стражи снега! Мои красные хотят растопить твой снег. Твои белые хотят заморозить мой огонь! — комментирует Денис.

Я делаю свой первый ход.

— Твой белый страж бесстрашно врывается на мою территорию, но

мои стражи начеку. Они выстреливают своим пламенем! Пуууфф! Твой снег размораживается и исчезает.

Денис снимает мою шашку. И ставит свой трофей позади своих красных.

— Твой белый страж появился в моем тылу в новом виде. Он превратился в лед. Баммм!

Бабушка, то бишь я, стараюсь не опозориться, усиленно напрягаю все свое полузабытое знание ша-

шечной игры. Я строю свою оборону. Мои белые вроде бы в приличной позиции. Денис оценивает ситуацию:

— Ага... Белые выстреливают в красных огромными глыбами снега. Это уже ураган! Он хочет погасить мое пламя. Нет! Мой жар никому не погасить!

Денюка находит какой-то ход и снимает сразу несколько моих шашек. Я позорно проигрываю.

— Огонь перенес себя через пла-

мя! Лед исчез! Пуууфф! Холода больше нет. Нигде и никогда больше его не будет на земле!

Ребенок снимает все белые шашки с доски, собирает все красные на серединку.

— Стражи огня объединились на планете. Они защищают тепло! И вдруг Денис говорит мне совершенно серьезно:

— Тепло, бабушка, сильнее всего на свете. И любовь.

Мое семилетнее солнце смотрит мне прямо в глаза. Ох, какое дивное чудо — глаза моего внука! Глаза маленького мудреца. В них столько понимания и доброты!

Да, Денечка, да, мой родной. Любовь сильнее всего. И тепло сильнее любого холода.